

Александр Гуров
КОРОТКАЯ ЗИМА

Александр Львович Гуров
Короткая зима.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40148114
ISBN 9785449385901*

Аннотация

Надо сказать, что походка у Феникса всегда была клёш, клёш – это, разумеется, не фасон брюк, это манера ходьбы. Ещё только проносясь мимо вас семилетним вихрем в коротеньких штанишках, положим, где-то на Покровке, он уже производил впечатление мальчика, способного пересекать континенты с той же лёгкостью, с какой он сейчас приближается к пенной кружке кваса или идёт по другим делам, о которых нам, его тяжеловесным согражданам, и думать не приходится.

Содержание

Феникс	5
Свобода	19
Сумасшествие – это такая зараза!	28
Новая планета	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Короткая зима

Сборник рассказов

Александр Львович Гуров

Фотограф Александр Гуров

© Александр Львович Гуров, 2019

© Александр Гуров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-8590-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Феникс

Рассказчик оторвал наконец глаза от стола с разбросанными тут и там хлебными крошками – в некоторых местах, и не без его участия, они виртуозно собирались в прототипы картин Верещагина, в центре небольшой горкой высился уже тот самый апофеоз. Феникс чуть внимательней всмотрелся в человека напротив и не узнал. Поймав настоженный взгляд неизвестного, одним движением превратил батальную сцену в гравюру Дюрера «Иоанн съедает книгу» и вышел из пирожковой. На улице чуть помялся у дверей, вернулся и на глазах неприятно удивлённого товарища по столу картинно сгрёб своё крошечное произведение в карман брюк. Жареный воздух, выдыхаемый пирожковой, снова мягко вытолкнул его за порог, на этот раз дотянувшись до стайки студентов архитектурного института, и взамен слизнул их с улицы.

Надо сказать, что походка у Феникса всегда была клёш, клёш – это, разумеется, не фасон брюк, это манера ходьбы. Ещё только проносясь мимо вас семилетним вихрем в коротеньких штанишках, положим, где-то на Покровке, он уже производил впечатление мальчика, способного пересекать континенты с той же лёгкостью, с какой он сейчас приближается к пенной кружке кваса или идёт по другим делам, о которых нам, его тяжеловесным согражданам, и думать

не приходится. С годами походка приобрела ту самую расхлябанную точность, которую мы и наблюдаем сейчас в самом начале Варсонофьевского переулка: в любой момент он готов отпружинить в сторону или, легко подпрыгнув, зацепиться за пожарную лестницу, подтянуться и навсегда исчезнуть за горизонтом, но всё это небрежно, без видимого усилия. Довершают портрет рост 183 см, длинный нос, брюки, соответственно, клёш, широкий кожаный ремень. Худ, строен, тонкая полуоблегающая рубашка разного цвета, но всегда с острым воротником, засученные на один – другой оборот рукава. Пожалуй, достаточно точно.

Варсонофьевский переулок никогда не пускал Феникса в себя дальше двух первых домов, ноги не шли к холодной и неживой Лубянке. Потому он и сейчас не пошёл этой дорожкой, а вернулся на Рождественку, оттуда – в Сандуновский переулок, изнутри наполненный полуобнажёнными людьми, а то и того хуже, бани всё-таки, и вышел в полноводную речку Неглинку, где дышится легко и маленький бульварчик с растущими в срок грибами шампиньонами. Благодаря, лето, тень, когда ещё такое встретишь? А никогда.

Феникс наслаждается лёгкой, как всё сегодняшнее бытиё, прохладой. Вспомнив про крошки – всё не зря, всё не зря – выворачивает карман, шепчет мощное заклинание «Голуби, ату!» и погружается в созерцание. Голуби и воробьи вступают в игру, кружат, щебечут. Мимо этой картины проходит молодой дьякон, или монах, или чёрт знает кто, но весь

в чёрном. Монах бормочет себе под нос песенку, ветер доносит её в уши. Тишина, шелест листьев, клаксоны.

Следом идёт молодая мама с сыном, поравнявшись с Фениксом и его пернатой стаей, мальчик не выдерживает, городской инстинкт овладевает им, и он срывается, чтобы спугнуть птиц: «Ату их!» Заклинание работает и на этот раз, птицы разлетаются кто куда, а на глаза Феникса ложатся чьи-то ладони:

– Угадай, кто? – спрашивает звонкий женский голос.

– Полина Виардо? Если нет, то не показывайся мне на глаза, – усмехается он и усмехается так широко, что руки на лице разъезжаются, как театральный занавес, приоткрывая публике ровные, здоровые зубы.

– Нет, и я не уйду, – говорит девушка, чуть ослабив хватку, но вскоре берёт себя в руки и крепче прижимает ладони к его глазам, – думай второй раз.

– Ну нет, – и мягким движением Феникс снимает руки с лица, разворачиваясь навстречу неизвестности, а это именно она, на ней незнакомое лицо симпатичной русоволосой девушки, волосы переливаются на солнце.

Позади на почтительном расстоянии мнутя, сдерживая смешки и комментарии, ещё три девушки-студентки, очевидно, из архитектурного.

– Пospорила с подружками?

– Да, прости. А кто такая Полина Виардо?

– Мой старинный друг, только она может подкрадывать-

ся ко мне, но вторым вариантом ответа был всем знакомый «конь в пальто», он просто не успел выскочить, худшая рифма.

Девушка мгновение всматривается в него.

– Подожди.

Набирает в поисковике два слова и быстро пробегает глазами полученный текст.

– Вот ты гадёныш, – взрывается она, – Полина Виардо, 1821—1910г., испано-французская певица, близкий друг Ивана Тургенева.

– Да, это факт, – подтверждает Феникс, – близкий друг, а кто ты?

– Дина.

– Феникс.

– Неплохо. Пока, девчонки, увидимся завтра, – бросает на ходу Дина, – всё отлично, не волнуйтесь, мы уходим погулять.

Монаха они нагоняют уже у стен Высоко-Петровского монастыря. Увлекательный рассказ о городах и дьявольских изобретениях, которым Феникс щедро одаривает прилипшую к нему Дину, прерывается на первый поцелуй. И время, и место, и буквально всё для этого предназначено, и, конечно, люди, люди то, что надо. Момент, и они никого не замечают, раз уж придумали головы и губы, вложив в них такую палитру желаний, воспользуйтесь, и они пользуются. Молодой монах, заглядевшись на неразлучную пару, класси-

ческим манером врезаётся лбом в столб, глухой звон, смущается, потирает лоб и отводит глаза, но через секунду вновь как бы ненароком бросает взгляд, не заметили ли его, но заметили, и Феникс рукой, обнимающей тонкую талию, посылает ему знак виктории – указательный и средний палец направлены вверх. Через мгновение всё тонет в перезвоне колоколов надвратной церкви.

– А давай жить вместе, счастливо, как сейчас, а, Феникс? Как странно тебя называли, Феникс, или, может, это только прозвище, а зовут тебя, к примеру, Колька, а, Феникс?

– К твоему счастью, Колька идёт сейчас нам навстречу, и мы с ним давно не виделись, может, уже пара месяцев пролетела.

– А кто он?

– Помогает заблудшим блуждать с большим комфортом и любит блуждать во главе группы, вот кто он такой.

– И что это значит?

– Потом, потом.

Навстречу действительно шёл подтянутый старик с красивой седой бородой и в жилетной паре. Дина оценила его как хорошо сохранившегося мамонта и диковинку, что общего старик может иметь с молодым парнем и что за равноправие?

– Колька!

– Феня. Привет, старик! – улыбнулся в бороду Колька. – Салют, юная! Кто ты? Сон, прекрасный сон?

– Дина, – отозвалась девушка, смущаясь почтенного непо-

нятного возраста.

– Дай-ка я на тебя посмотрю, Дина.

Не дожидаясь согласия, он подхватил её своими стальными руками и как ребёнка поднял над головой, даже немного потряс. Дина только удивлённо таращилась с высоты то на него, то на Феникса. У Кольки зазвонил телефон, он аккуратно поставил Дину на место и, вздёрнув указательный палец, чтоб не расходились, отошёл в сторону, уверенно и убедительно заговорил с кем-то по телефону.

– А кто он всё-таки такой? – спросила всё ещё находящаяся под впечатлением Дина.

– Он... – Феникс окинул взглядом фигуру старика, мерящего ботинками Петровку, – он долгожитель, умнейший человек, глыба, за ним постоянно шляется целый полк вопрошающих, я не знаю, как ему удаётся от них отрываться, и, конечно, первостатейный проводник по горам и весям разной категории сложности, и ещё Бог знает кто. Мы сошлись на том, что я не задаю ему лишних вопросов и он отдыхает душой.

– И сколько же ему лет? Просто так, интересно.

– За пятьдесят, я перестал считать. Много ему, много.

Старик закончил свой разговор и вернулся к ним с противоположной стороны улицы, куда его незаметно привела нить телефонной беседы.

– Я к Итальянцу? Едем? Он что-то закис в своём микрорайоне. Сюда, в Москву, ехать не хочет, говорит, чтобы мы

поискали других дураков.

– Дин, ты как? Едем? – поинтересовался Феникс.

– Едем! Я за все ваши начинания, в одного из вас я стремительно влюбляюсь, другой – загадочный тип, значит, и третий не должен подкачать.

Итальянец стоял на втором этаже у открытого настежь окна над прорубленной в сердцевине длинного девятиэтажного дома аркой. Арка сокращала жильцам путь в магазины шаговой доступности, хотя, по большому счёту, их всех нужно было отправлять в обход, чтобы они стали поджарыми и трезвомыслящими. Доступность сильно развращала жильцов. Прямо под окном Итальянца синими пластмассовыми буквами гордо красовалась вывеска «Фотограф рЕмонт обуви». Собственно, это были две вывески двух соседствующих заведений, выполненные в одном стиле, а «Фотография» давно потеряла окончание «ия».

«Весь этот микрорайон плох, очень плох, – думал Итальянец. – В нём только измученный строительством былой ландшафт, вокруг ни закоулочка, ни потайной двери, ни флигелёчка, ничего, сплошные прямоугольники да ячейки, и я живу именно здесь». С этими мыслями он взял со стола сырое куриное яйцо, рисованию которого в школе акварели Андрияки в Гороховском переулке могли бы посвятить годы обучения, и беззастенчиво бросил его вниз прямо под ноги случайному прохожему, направляющемуся в магазин, никаких других вариантов движения у него здесь всё равно не бы-

ло. Яйцо ожидаемо скучно разбилось об асфальт, но вот желток, желток, совершив в воздухе невероятную траекторию, каким-то чудом попал точно в рот говорящему по телефону мужчине, и он его проглотил. Восхищённый Итальянец не стал прятаться, как когда-то в детстве, тогда он проделывал те же самые пакости, но, к сожалению, не мог в полной мере насладиться результатом и ограничивался матом и проклятиями за окном. Так вот он не двинулся с места и принял удивлённый вид, хотя перещеголять в этом прохожего ему всё-таки не удалось. «Это мальчишки с крыши бросают, – сочувственно произнёс он. – Балуются, мне однажды прямо на голову попало, когда высунулся покурить. Черти! Когда-нибудь я доберусь до них. А может быть, вместе сейчас добежим и застанем их на крыше? Давайте, а? – с надеждой в голосе предложил Итальянец, и прохожий согласился. – Код 192, я вам открою, вызывайте лифт, встретимся на последнем этаже!» И он исчез из окна. «Какой триумф! – бросая своё тренированное тело через ступеньку, думал он. – Всё-таки район как район и здесь бывает интересно. Всё дело в людях. Погоня!» Они встретились на последнем этаже, чердак был открыт, и напарники вывалились наверх. Никого. Побежали по длинной крыше, заглядывая за углы. Никого. Наконец, заглянув в последний из девяти выходов, где дверь и люк в подъезд были тоже открыты, они остановились. «Ушли. Уф! А неплохо мы пробежались. Но они быстрее, молодость, и плюс у них была фора, да?» Прохожий

за всё это время не произнёс ни слова. Пакостный желток внутри видимо всё ещё не давал ему покоя, он даже не ругался. Они ещё покурили на залитой битумом прожаренной крыше. Посмеялись, а через полчаса происшествие превратилось в законченный анекдот, который ещё несколько лет гулял по району. «Идёт мужик в магазин мимо третьего дома, разговаривает по телефону...» В общем, здорово было!

Итальянец, а звали его Вася, достал из кармана телефон и набрал Кольке, Николаю Ивановичу, и позвал его в гости, ссылаясь на тоску и лёгкую депрессию, а узнав, что и Феникс, и какая-то молодая красотка ошиваются рядом с ним на Петровке, усилил давление и настоял. Здесь важно было не пережать, тяжёлую депрессию Колька раскалывал как орех, тоску же принимал на веру. Всё, жду!

В ожидании гостей Вася устроился у окна и обозревал небесный свод, в комнате из хороших колонок звучал «The Beatles», под окном вывеска «Фотограф рЕмонт обуви» отливала синим.

С трудом найдя место и припарковав машину на тротуаре, а надо сказать, район был спроектирован и построен тогда, когда ещё никто из архитекторов не предполагал, что машина – это обычное дело, Николай Иванович освободил влюблённых с заднего сиденья. Размяв кости, все посмотрели вверх. Одной рукой подперев щёку, другой рукой им приветственно махал из окна тот самый, легендарный фотограф РЕмонт Обуви. Дине он тут же понравился.

– Он мне нравится. Хорошенький такой, грустный. Мы ведь сможем ему помочь?

– Подожди, ты ещё не знаешь, что это за жук. Вот и вывеской на итальянский манер обзавёлся, смущает умы, – достаточно громко сообщил Феникс, чтобы и Вася, сидящий в своём окне, его наверняка услышал.

– Так вот почему он Итальянец, всё дело в вывеске! – восторженно воскликнула Дина. – Вот это вы дураки!

– По счастливому совпадению, он действительно фотограф, – ухмыльнулся Николай Иванович. Это может его оправдать.

Первое же, что бросалось в глаза в квартире, это синяя буква «и», прикрученная к стене и дополненная красочным многоточием. С противоположной стороны на всех смотрела такая же синяя буква «я». В углу стоял свёрнутый полосатый матрас. На полу валялись персидские подушки, а к стенам жались стулья и табуретки.

– Посмотри на них, – сказал Итальянец, обращаясь к Дине, и обвёл рукой кухню, куда проскользнули и уже хозяйничали Феникс с Колькой, – это мифологические существа, неужели ты не видишь? Я ещё бегал по двору с пластмассовой сабелькой, когда Кольку уже звали Николаем Ивановичем. А Феникс? Он даже ничего не скрывает.

– Что не скрывает? – спросила она, наблюдая за ловкими движениями Феникса, который буквально порхал по кухне.

– То, что он птица, конечно.

– Хм, ты шутишь.

– Шучу, шучу.

– Сегодня хочу вас всех запечатлеть на бумаге, отказа не принимаю, – тут же во всеуслышание объявил Вася. – Теперь у меня есть вишенка на торте.

– Ну вот и открылось, зачем ты нас зазвал, творческий зуд вперемешку с ленью, – поставил свой диагноз Николай Иванович.

– А зачем у тебя столько стульев? Прямо концертный зал, – спросила Дина.

– В полнолуние читаем прозу. Сюда набивается много народу. Интересуются. Держат руку на пульсе.

Через час Вася окинул взглядом компанию. Феникс сидел на табуретке с прямой спиной, говорил что-то и трогал людей за душу. Дина, обложившись персидскими подушками, устроилась в углу, Николай Иванович, закинув ногу на ногу, сидел на стуле у окна, курил папиросу и стряхивал пепел в хрустальную пепельницу.

– Скоро солнце завалится за дом и его уже будет не достать. Братцы, давайте сделаем один, только один снимок, – вдруг встрепенулся Вася. – Пойдём на крышу, а? Давайте, давайте, поднимайтесь, ленивцы, а то я не могу уже больше плакать от твоих рассказов, Феня.

Наверху Вася рассадил всех на стульях. В центре сидела Дина, по сторонам от неё Николай Иванович и Феникс. Наконец Итальянец окончательно справился с настройка-

ми, установил на фотоаппарате задержку времени, нажал на кнопку и с разбегу упал на руки сидящим. Стая птиц вылетела из-за фотоаппарата, вздесущие голуби, съёмка закончена.

Перед рассветом Вася закрылся в ванной с красным фонарём, фотоувеличителем, химикатами, фотобумагой, лоточками, катушками и вышел только с первыми лучами солнца, карабкающимися по стене соседнего точно такого же дома. Все уже собирались расходиться. Пока гости сидели на кухне и пили кофе, Итальянец незаметно положил Дине в рюкзачок запечатанный конверт. Пора прощаться. Дина, Николай Иванович, Феникс помахали ему из машины руками и тронулись в путь.

– Дин, тебе куда? – спросил Николай Иванович.

– Я бы никогда с вами не расставалась, – отозвалась Дина, прижимаясь к плечу Феникса и обняв его обеими руками, – но нужно хоть немного поспать перед занятиями, иначе я совершенная котлета и ничего не понимаю, а мне обязательно нужно сегодня попасть на вторую пару. Я живу у метро Кантемировская, улица Медиков дом 6, там рядом красивый Борисовский пруд, я там всегда гуляю...

Через полчаса Дина уже спала в своей постели одна.

Утро выдалось не из лёгких. Разум предлагал Дине сдать-ся и никуда не ходить, но холодный душ, варёный кофе – и вот уже румянец вернулся на щёки, а воспоминания вчерашнего дня закрутились в голове. Сев в маршрутку, потом

в метро, через каких-то сорок минут она уже была в институте.

– Привет! – окликнула её Нина, одна из подружек, с кем они вчера гуляли по Неглинке. – Ну как всё прошло? Что за парень? Давай, колись.

– Да всё хорошо, Нин, не до рассказов сейчас, спать охота.

– Ууу... спать охота? Что-то ты темнишь, Динка, ну да ладно, ладно, не хочешь, не говори. Потом всё равно не удержишься. Дай тогда что-нибудь зажевать, а то тащит от меня папиросами.

Дина порылась в рюкзачке, но так сразу в нём ничего и не найти, пришлось вытряхнуть всё содержимое на подоконник. Нашлись мятные леденцы, и нашёлся какой-то конверт.

– На, Нин, пара леденцов осталась, и дай, пожалуйста, покоя, голова совсем не работает, ладно?

Конверт был запечатан и непонятно откуда взялся. Сон как рукой сняло. Она ещё немного повертела его в руках, посмотрела на просвет, надорвала и достала маленькую фотографию...

К полудню Вася наконец-то выспался, хорошенько потянулся и ловким кувырком встал на ноги. Ещё раз потянулся, пару раз совершил амплитудные движения корпусом и свернул матрас, водрузив его на законное место в углу. В ванной всё ещё горел красный фонарь, забыл выключить. На леске сушился большой отпечаток вчерашней фотографии. Ита-

льянец аккуратно снял его и отнёс к окну.

– Ну что ж, всё, как я говорил.

На фотографии слева направо были изображены голубь, он расправил крылья и полностью закрыл лицо Феникса, потом Дина, смеётся, а вот и Николай Иванович чинно забросил ногу на ногу и разминает папиросу, выглядит, кстати, лет на тридцать моложе, удачно лёг свет. Ну а всю картину в конце концов перечёркивает горизонтально левитирующий Вася, застигнутый в полёте одной пятисотой секунды.

– Я же говорил тебе, Динка. Мифологические существа!

2016г.

Свобода

«Господи! Как он это сделал?» – ночной рабочий Московского метрополитена Костя Шаталин глазел на белоснежный купол станции метро «Киевская». Там ещё мгновение назад висел одинокий воздушный шарик, доверху наполненный гелием. Свою способность смотреть выше головы Шаталин развил самостоятельно, трудолюбием и последовательностью, ну и костоправ постарался, и Костя круглосуточно ходил с вздёрнутым вверх подбородком. Потому только он и заметил, что шарик исчез. Остальным не было до этого никакого дела.

Зелёный шарик висел под куполом уже три недели, поглядывая на людей с недоступной им высоты. Заступая на смену, первым делом Костя шёл его проведать и, находя на прежнем месте, с лёгким сердцем начинал работу. Казалось, что если шарик вдруг исчезнет, то и с ним случится что-то нехорошее. Конечно, и раньше бывало, отпущенные чьими-то руками шарики висели над головами, но к ним он так и не успевал привыкнуть, через несколько дней они сдувались и опускались вниз.

За мгновение до возгласа «Господи!» Шаталин находился как раз в вестибюле с шариком. Погрузившись в работу, он ненадолго упустил его из виду, всего-то мгновение, но именно тогда шарик исчез с десятиметровой высоты, а ещё че-

рез секунду начал покидать пределы метро. Ночью не так много пассажиров, и только небольшие группки и отдельные представители движутся в рваном интервале по эскалатору. Последние электрички с Киевского вокзала тоже давно ушли, увозя в себе редких порядочных граждан. Костя быстро огляделся и краешком глаза зацепил сворачивающего к турникетам на выход молодого высокого парня, в руках тот держал зелёный воздушный шарик. Не раздумывая, Костя рванул следом, но долгой погони не получилось, парень стоял тут же на улице и, запрокинув голову, наблюдал за улетающим шаром. «Как ты это сделал?» – пролепетал Костя. – «Как?» Была бы у него сейчас шапка, он бы её непременно заломил, а так только потёр лоб и глазел, глазел вверх.

Феникс скосил глаза на говорящего невысокого человека в рабочей одежде сотрудника метро. «Прости, друг, а что такого? Что тебя так тревожит? Ну, шарик, ну, улетел, а там бы он висел как рыба кость в горле, и рыба давно не жива, и человек скоро мертвец. Никому не хорошо, заточение какое-то», – и он протянул Косте только что открытую пачку с выдвинутой вперёд сигаретой, так что Косте не пришлось неловко ковыряться и заминать грязными пальцами белые фильтры. Костя вообще был человеком тактичным и избегал лишнего общения и всяческих неудобств, связанных с другими людьми. Ему было хорошо и спокойно жить у себя в голове. «Прямо ты, Кость, интроверт какой-то», – любил подшутить над ним его начальник, усатый человек с высшим

образованием, справедливо занимающий соответствующую должность.

«Скажи, как ты это сделал?» – прикурив, вернулся к мучившему его вопросу Костя. Только что-то из ряда вон выходящее могло заставить его заговорить с незнакомцем, гнаться за ним, да ещё и настаивать на ответе. «Это совсем не важно, – отмахнулся Феникс, – взял да достал». Костя не нашёлся, что сказать, требовать ответа в третий раз уже было как-то глупо, и они оба замолчали, стояли, смолили сигареты и глядели на отбывающий с вокзала шар, а он уже поравнялся с вокзальными башенными часами и там проводил свободное время, выбирая направление ветра. Было такое впечатление, что воздушный шарик сам управляет своим полётом и несуществующим ртом плюёт на все законы природы, если только они не совпадают с его собственными желаниями. «Бросал бы ты свой метрополитен, – вдруг ни с того ни с сего заявил Феникс, – подземка она и есть подземка». С этими словами, ничего больше не объясняя, он окончательно вышел в город. Шарик уже был далеко и, кажется, определился с направлением.

«Смотрите-ка, шар!» – оживилась старая женщина. Шарик завис на уровне пятого этажа, прямо напротив открытого окна Щербениных. Екатерину Андреевну сегодня не ожидало ничего, и ничего не ожидало её завтра. Да и Щербениных как множественного числа здесь уже давно не водилось. Все умерли или разъехали по своим домам и состарились

там. Восемьдесят пять лет не шутка, а гораздо больше, если здоровый, ироничный ум не покинул вас. «Кажется, я могу до тебя дотянуться», – Катя перегнулась через подоконник, протянула руку к белой шёлковой ленточке и забрала гостя в дом. Попав в комнату, Шарик тут же прижался к потолку и выглядел заключённым в тесную коробку. «Где же ты летал? Ну ладно, ладно давай только попьём чай, и я верну тебя назад. Просто поговорим. Хорошо?» Лёгким ветерком из окна шарик снесло к чайному столу, и Катя повязала его ленту на спинку стула. Теперь всё стало намного радостней, когда роли уже распределены и предвкушается чаепитие и ночная беседа, в конце которой всем отпущена свобода.

Последний год окно исправно дышало, но лёгкие уже не работали в полную силу. Необратимая болезнь комнаты – такой диагноз поставила своему жилищу Катя. И какой же подарок этот шар! Всё заиграло, преобразилось, отряхнуло пыль. Воздух изменился, насытился жизнью. «Всё будет к утру, дорогой мой шар. Ты полетишь, и я не отстану», – сказала Катя, открывая шкаф с зеркальной дверцей, где один к одному висели её наполовину забытые платья и костюмы. Тёмные она сдвигала в сторону, не глядя, даже не пробуя их примерять, она слишком хорошо изучила их за пятнадцать лет старости. Среди прочих нашлось одно заброшенное рыжее платье в белый горошек. Это подойдёт.

Стол был накрыт белой скатертью, слишком долго пролежавшей в сложенном виде в шкафу, так долго, что пря-

моугольные складки теперь было бы сложно разгладить, может, только очень современным утюгом. На столе скоро появились две чашки с синим ободком, печенье «Юбилейное» в хрустальной вазочке, а под ним на дне россыпь забытых конфет с высохшим побелевшим шоколадом. Разговор отчего-то не шёл. Кате просто необходимо было начать первой, но она нервничала, стараясь разгладить рукой неловкие складки на столе. Наконец на кухне вскипел и пронзительно засвистел чайник, дав сигнал отменить всякую неловкость. Она смеялась, глаза горели, люди оживали и рассаживались в дышащей полной грудью комнате, их было не так много, тех, с кем она хотела бы говорить. Иногда её вдруг уносило, она замолкала на полуслове, встречала весну, уходила в осень, пролетала лето и мчалась на мотоцикле. Такая долгая жизнь.

Под утро Катя не без труда передвинула тяжёлую кровать к окну, теперь не к чему беречь силы. Отвязала ленточку с шариком от стула, зажала её в руке и, выставив руку за окно, разомкнула большой и указательный пальцы, белая лента мягко скользнула по её ладони, и зелёный воздушный шарик стал медленно набирать высоту. Катя долго провожала его взглядом, откинувшись на подушку, пока он совсем не исчез из виду, и мы её тоже перестали различать. Слишком далеко.

Яркий представитель позднего средневековья Яков Грауэрман, никак не связанный с тем самым знаменитым Грауэрманом, а совсем по другой линии, в ранний час прогуливал-

ся с китайской хохлатой собачкой вдоль Бережковской набережной, таков был его утренний моцион, такие вериги. В то время, когда разного рода родственники, не исключая его угрюмой жены, осточертели ему хуже горькой редьки и атмосфера в доме превратилась в сгусток беспощадных энергий, маленькая радостная собачка спасала его рассудок и оставляла надежду. «Уеду, – думал он, – уеду, брошу всё! Три раза в день мир подтверждает мне свою неповторимость, так почему я возвращаюсь в одно и то же, я даже не знаю, как это называть. Вот вчера я наступил в собачью какашку, так теперь я обхожу это место стороной. Я разумный человек. Почему же я, разумный человек, каждый раз возвращаюсь в этот дом и тащу за собой невинное маленькое существо, а он ведь мне так доверяет и думает, что так нужно, так заведено, – Яков с любовью посмотрел на беззаботно виляющий впереди хвостик. – Я обманываю себя. Я неразумен и одержим!» Три раза в день они с Кисочелом были свободны, а если ещё прибавить сюда ежедневный сон, то картина в целом могла бы показаться вполне сносной, но вы не знаете этих людей и что они способны сотворить за какую-то минуту с бедным, бедным Яковом Модестовичем.

Кисочел вдруг резко дёрнул поводок и, выводя Якова из задумчивости, запрыгал каучуковым мячиком вокруг дерева. В ветвях зацепился и метался по ветру зелёный воздушный шарик. Решение освободить шар пришло Грауэрману в голову как-то само собой. Хотя никакой разумный че-

ловек не полез бы на дерево по такому пустячному поводу, а потащил бы упирающуюся маленькую собачонку дальше вдоль по набережной, обещая ей с три короба в виде пахучих углов и кость в конце тоннеля. Яков же принял решение без колебаний, в рвущемся на свободу шарике он разглядел символ своей привязанности, своей несостоятельности, своей слабости. Напрягая атрофированные абсолютным и ежедневным отсутствием физической нагрузки мышцы, он подпрыгнул, зацепился руками за ближайшую ветку и повис на ней, констатируя свою полную беспомощность, но он не желал сдаваться. Претерпев за последующие полчаса множество досадных поражений, потянув плечо и разодрав брюки, он всё-таки дотянулся до белой, запутавшейся в ветвях ленточки и рухнул вниз, вывихнув правую стопу. Боль была сильной, но пальцы, державшие ленточку, он так и не разжал. Кисочел уже давно не прыгал и не крутился волчком, последние пятнадцать минут он просто сидел, переминаясь с лапы на лапу, поскуливая в невозможности чем-либо помочь. И вот наконец дождался, помощь его пригодилась, с дерева грузно упал Грауэрман – острая боль и шершавый собачий язык на лице. Немного придя в себя и привыкнув к своему новому состоянию, Яков поднялся и, сжимая в одной руке поводок с радостно прыгающим любимцем, а в другой свободно режущий на белой ленте шар, заковылял прочь по направлению к мосту. Кровь сочилась из расцарапанных ветками рук и проливалась на асфальт. Впервые за послед-

ние годы ему было по-настоящему хорошо, он принял решение, и не в шарике дело. Взобравшись на мост, Яков Модестович Грауэрман, пятидесяти трёхлетний историк, специалист по позднему средневековью, разомкнул большой и указательный пальцы, белая ленточка потянулась и мягко выскользнула из его ладони.

В ранний час Феникс обесценивал мелкие монеты, бросая их с Бородинского моста в реку. Мимо него вереницей тянулись груженые песком баржи, им тоже доставалось по монете на каждую. Как вдруг из-под моста, ведомый невидимыми нитями, показался тот самый зелёный воздушный шарик и завис в ожидании. Феникс легко взлетел на перила и небрежной пружинистой походкой, как будто обыкновенно шёл по широкому Кутузовскому проспекту, сделал несколько шагов ему навстречу. Полы твидового пиджака развевались на ветру, контур птичьей фигуры чертило утреннее солнце. «Что, друг, свободу гелию?» Несмотря на сильный ветер, шарик не шелохнулся, настаивая на своём. «Значит, свободу».

Не имевший ко всему этому никакого отношения прохожий, орнитолог Вага, до подбородка завёрнутый в длинный всесезонный плащ, зябко поёживаясь, отметил про себя известное сходство Феникса с птицей, но оттого ли, что последние годы был увлечён другим видом или ещё почему, не стал заострять на этом внимание. Он был признанным сумасшедшим и, находясь в своём праве, часто что-то бормотал себе

под нос, к кому-то обращался и смотрел куда-то вдаль.

Феникс открепил от подкладки пиджака тайную английскую булавку, распрямил её жало наподобие шпаги и сделал красивый выпад. Бах!

2016г.

Сумасшествие – это такая зараза!

Вася Итальянец сидел на зелёной траве Гоголевского бульвара, раздумывая, почему он со временем так ни на кого и не стал похож. Теперь перед окружающими особенно остро стоял выбор: принять его таким, как есть, или погнать прочь. Лучше бы погнали. Так ведь нет, весь день принимают за своего, улыбаются и продают газировку. Приспособленцы. Каждой твари норовят продать газировку.

Первые несколько дней после рождения Вася совсем не помнил, был выше крыши занят. Но на второй неделе жизни в Москве его память уже фиксировала натянутые сравнения: «Как же он похож на маму, папу, бабушку, дедушку», – радостно восклицали вокруг него те же дедушка, папа, мама и бабушка. Похож он был определённо глазами, полом, носом, лбом и ушами, доходило и до прадедушки на фотографии над комодом, в нём тоже что-то было. Но веры им, конечно, никакой. Над люлькой склонялись явно заинтересованные сходством лица, а в таком состоянии чего только не измыслишь.

Вчера Вася, по меткому выражению предков, «слетел с катушек». Проще сказать, свихнулся. Внезапно перестал понимать окружающих: что ими движет, зачем они всё это делают и всё это говорят стало для него абсолютно неясным, утратило твёрдый каркас, на котором кое-как, но всё таки дер-

жался весь смысл. Теперь он изгой. Просто пока ещё никто этого не заметил. Продавцы товаров не в счёт, они никогда не покажут виду, беспринципные люди.

Сегодня он почти не понимал речь, слова складывались в какую-то абракадабру или же, напротив, были настолько очевидны, что даже не стоило их произносить вслух, и так всё было предельно ясно. Но окружающие с упорством ослов всё равно их произносили. А день был летний, и всё могло бы быть совсем иначе, на Гоголевском бульваре каждый мог бы пребывать в хорошем расположении духа, шурша деньгами в кармане.

В схожих случаях его друг Николай Иванович советовал садиться на ближайший пароход и не оглядываясь отбывать из мест пребывания. Советовал он это, правда, и когда ровным счётом не происходило никаких катаклизмов. Уже давно никто не ходит на пару, а совет всё ещё действует безотказно.

Вася решительно поднялся с крутого бульварного склона и двинулся в сторону метро Кропоткинская, стараясь не выделяться и в точности повторять за прохожими все их лишённые смысла действия, перенимая на короткий срок и чуждую манеру речи. Он должен был добраться в порт и последовать совету старика. К счастью, без каких-либо злоключений ему удалось проникнуть в метро и сесть в поезд, идущий к ближайшему порту. Если вдруг вы не помните или вам забыли сообщить, то Москва – порт пяти морей

и добраться к кораблям и баржам здесь не кажется такой уж невыполнимой задачей. Повторяя за всеми и расталкивая недоброжелателей локтями, Вася сумел занять место в углу вагона. Специальные места для интровертов и бездомных. У бездомных не было проблем с коммуникацией и они разгоняли всех запахом, расчищая вагон ровно на треть, одновременно оставаясь скромными людьми, забившимися в угол. Для поездок интровертов конструкторами тоже всё было продумано до сантиметра. На угловом сидении могли поместиться, не вторгаясь в личное пространство друг друга, ровно два с половиной человека, эти двое счастливцев комфортно рассаживались по обоим концам лавки и думали о своём. Входящие на станциях пассажиры старались не претендовать на узкий промежуток между ними, а полчеловека наверно не так уж и часто спускалось в метро.

Напротив Васи в вагоне оказалась девушка с ярко-красной помадой на губах, она внимательно читала свежую утреннюю газету. Васю это немного насторожило, что уж там такого может быть гипер-интересного, но он оставил это на потом. Слева от неё основательно и вполне оседло расположился цыган, в точности похожий на гориллу, с полностью отсутствующей шеей, в шлёпках на босых ногах и с перемотанной бинтом рукой. Рядом с цыганом застыл парень в шортах, с головой погружённый в свой новенький телефон. Они были абсолютно нормальны. Именно такими Вася и представлял себе гаджеты и цыган без шеи. Бегло оглядев дру-

гих пассажиров и не найдя в них ничего примечательного, Вася снова стал разглядывать девушку напротив, к ней ещё оставались вопросы. Ничего примечательного и в ней, казалось бы, не было, всё как у всех, но это только на первый поверхностный взгляд, которым Вася вот уже два дня как не обладал, проникая в самую суть людей и предметов. Так вот, на второй, более внимательный, взгляд всё в ней было по-другому. Всё не так, начиная с красной помады, обведённой жирной линией вокруг рта, как у хорошего ковёрного клоуна, блистающего на арене цирка, заканчивая абсолютно безумным взглядом и тем, что девушка вообще может читать бумажную газету в метро, находясь прямиком в двадцать первом веке. Её глаза со всей очевидностью только имитировали чтение, иногда взгляд отъезжал с территории газетного листа, как каретка древней печатной машинки, и впибался в других пассажиров, проверяя, не раскусили ли её, поняв, что она опасная, не похожая на них сумасшедшая, но никто не обращал на неё никакого внимания, и она продолжала играть в свою игру до тех самых пор, пока не встретилась глазами с изучающим её с лавки напротив безумным Василием. Мгновенно поняв, что раскрыта, она быстро засобиралась на выход и вскоре попыталась смешаться с толпой на ближайшей же станции, и у неё бы это, конечно, получилось, если бы только не безумец, успевший в последний миг вставить ладонь между закрывающимися дверьми и выскочить следом.

«Послушайте, Дженни! Не бегите, по стойте», – сказал незнакомец, нагнав Женю и принимаясь шагать с ней в унисон. «Вы безумны, я это видел сейчас. Я новый сумасшедший и я еду в порт, чтобы идти по реке к морю, и зову вас с собой», – сообщил он сразу всю необходимую информацию для знакомства и как в точку попал. «Как он догадался, что я Дженни?» – подумала Женя, разглядывая незнакомца. Он был крепок, наверняка ловок, и безумие его было таким свежим, ещё не покрытым коростой – это всегда можно безошибочно почувствовать. «И откуда он знает, что мне хочется отбывать на кораблях из порта, я даже сама этого ещё не знала до него, а теперь это точно – мне нужно в порт. Я схожу здесь с ума по мелочи, я пропустила свой момент и тону. Конечно, нам нужно в порт!» Всё это промелькнуло в ней в один миг, но никак не отразилось на её внешнем безумии. Красная клоунская помада всё ещё находилась на лице.

«Вы должны опасаться меня, – предупредила она. – Я заражу вас безумием самого худшего качества. Я заразила уже двух взрослых мужчин, стоматолога и психотерапевта. Вот вы новый сумасшедший, и вы не знаете правил, что нельзя называть незнакомого человека Дженни, а вдруг вы угадаете, и она пойдёт с вами в порт и дальше, и дальше и пропадёт в туманной дали, и у меня нет кошки и собаки, чтобы я спешила их покормить и сообщить, что я всё ещё здесь. У меня ничего нет, чтобы отказаться и не знать вас. Теперь пойдёмте же скорее, нас ждёт капитан корабля, он покажет

нам японский календарь в рубке и, я почти уверена, даст расположиться в комфортабельной части своей посуды. Я не знаю, почему он будет так добр и почему ждёт, не отходит и смотрит на часы, когда все уже давно на борту».

Москвичам трудно выбрать из пяти только одно море. только Белое, только Чёрное, Балтийское, Азовское или Каспийское. Вдруг оно окажется худшим, мелким, холодным и с плохим сервисом? Именно потому свой летний досуг они проводят на подмосковных дачах с прогретыми солнцем речками, прудами и водохранилищами. Но состоятельный, особенно подверженный чужому влиянию житель может довериться рекламкам о морях заморских и лететь туда на самолётах, беспечно подвергая свою жизнь опасности, не давая себе ни единого шанса при случае утонуть как человеку, твёрдо стоя на палубе идущего на дно корабля, проклиная богов и всё ещё до последнего надеясь на лучшее. Именно так поступали предки, теперь же их бесстрашные дети за несколько секунд просто шмякаются с небес. И всё, никаких надежд.

Сумасшедшие вместе добрались до станции, известной всем своим наименьшим расстоянием до порта. В метро важно, чтобы ты сходил с ума негромко и пах хорошо. Тогда ты просто неопасный чудак, даже если внутри у тебя звёздные войны. На улице действуют те же правила поведения, что и в метро, но здесь на них смотрят сквозь пальцы, имея про запас широкое поле для манёвра. После того, как

Дженни стёрла свою клоунскую помаду с лица, она осталась только красивой девушкой. Что до Васи, то он очень точно копировал разговоры окружающих, жонглируя основными словами и другой тарабарщиной, которая только приходила ему в голову. Слово «деньги» произносил чаще всего, говорил, что денег у него на это нет, на что «это» он, конечно, не уточнял. В целом, если не приглядываться, он справлялся. Да и кому приглядываться, когда слова, одетые в хорошую одежду, приятно и знакомо пахнут. Абракадабра магическим образом действовала на окружающих, рассеивая внимание. Пусть едут, куда захотят.

Тот самый капитан, которого, фантазируя, описывала Дженни, действительно существовал. Сегодня всё утро что-то не давало ему покоя, не зная, что с этим поделаться, он зачем-то вынес из рубки календарь с японскими женщинами и поджёг. Прикурив от медленно ползущего по толстой бумаге синеватого пламени, капитан смотрел, как долго и неохотно исчезает в огне далёкая незнакомая культура, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Этот поступок был единственным, который хоть как-то мог сойти за безумие, если бы конечно кто-нибудь это увидел, но гром не грянул, и зрители не сбежались посмотреть. Баржа уже доверху была загружена чистым песком, но что-то он не сделал, что-то забыл, и календарь не помог, сгорел его любимый май в ярко жёлтом купальнике и сакура в цвету. Раздосадованный, он придирчиво осматривал всё вокруг, ища ключ к своему

сегодняшнему беспокойству, и не находил ничего подходящего, как вдруг будто всё наладилось само собой, отпустило это щемящее чувство не сделанного, забытого, важного, всё встало на свои места. Капитан это сразу почувствовал, заметив по правому борту в летнем мареве две отплясывающие джигу фигурки. Скорее всего эта джига только плод его воображения и жары – когда он моргнул, фигурки уже просто стояли, задрав головы вверх, и смотрели на него. Двое, парень и девушка, махали ему с берега. Парень жестом изображал два бегущих пальца и кивал на трап, прося разрешения подняться на борт. Капитан ответным кивком дал добро подниматься. Всё, что угодно, только не это беспокойное чувство, которое мучило его всё утро и уже перевалило в полдень. Видимо, ждал он именно их, ждал, тянул, не отходил от берега.

«Кто бы вы ни были, а мне стало легче. Располагайтесь уже, и к чёрту, и с Богом», – так думал капитан, разглядывая поднимающихся на борт будущих пассажиров. То, что это пассажиры, которых контрабандой нужно будет вывезти из Москвы, у него не вызывало никаких сомнений. Несмотря на то, что никто из них ещё не сказал друг другу ни слова. Наконец парень подошёл к нему и протянул руку, из-за его спины выглядывала длинноволосая девушка. Она улыбалась, а так бы никто и не знал, что у неё на щеках такие смешные ямочки, но она улыбалась, в её глазах кипело вариво из множества незнакомых капитану ингредиентов и будо-

ражило кровь. Пожимая протянутую руку, он внимательно всмотрелся и в глаза её спутника, скоро обнаружив в них ничем не прикрытую незлую насмешку, относящуюся ко всему, что попадало в их поле зрения. Сейчас в это поле попал капитан с целой баржей, грузовым портом и ближайшими милями. Весёлые сумасшедшие ребята.

Чтобы всё это так легко определить и сразу принять к сведению, Капитан сошёл с ума гораздо раньше, да и по возрасту ему уже давно было пора, он угадал и не упустил свой момент, это были какие-то минуты безумия, захватившего его тогда в далёкие дни, но он не избавился от них и не бежал как от чумы, а бережно пригрел в своей голове, время от времени посматривая сквозь эту диковинную призму на окружающее, и увиденное ему неизменно нравилось. Но ни тогда, ни сейчас он не показал виду. Всегда оставаясь капитаном.

Нет толка описывать, о чём они там говорили на палубе, Дженни, Вася и Капитан, потому как они не проронили ни слова, бурно обмениваясь мыслями и не отпуская слова на язык. Сумасшествие Капитана освежилось, сбросило со шкуры серебряные капли, перетряхнув себя до кончика хвоста. Вы наверно видели, так всегда делают собаки. Так что после рукопожатия Капитан просто кивнул в сторону загруженных на баржу песчаных дюн и начал подготовку к отплытию. Несмотря на верное расположение и безупречное хождение звёзд по небу, отчалить от берега им удалось только на заре следующего дня. Техническая неисправность суд-

на. Всё наладили к утру. Сколько ни оттягивай это событие, сколько ни подгоняй, а трое сумасшедших и один экипаж точно в срок начали покидать Москву.

Светило пряталось за высотками, ещё слишком тяжёлое, чтобы преодолеть даже пятые этажи, набиралось сил и показывалось на мгновенья только между домами, чтобы указать городу на двух беззаботных беглецов, валявшихся на песочке нагруженной баржи. Капитан в рубке смотрел, как и положено, вдаль, пробираясь под тоннелями скрепляющих берега мостов, установленных с одной лишь только целью, чтобы город не расползлся по шву, оставляя по разные стороны детей, матерей, отцов, внуков, бабушек и дедушек.

И всё-таки солнце встало, распрямив свои артритные ноги, шипя плюнув на асфальт прокуренные лёгкие, выпрямилось и облегчённо оперлось на крышу ближайшего дома. Баржа медленно вышла из-под моста. Свет наконец сумел упасть под нужным углом и попасть Васе в правый глаз. Дженни крепко спала рядом, свернувшись на капитанской куртке калачиком. В её размётанных волосах запутался драгоценный чистый песок. Вася отчаянно чихнул от солнца. Вася чихнул! Никакая телесная практика не смогла бы задействовать столько мышц одновременно. Дженни заворочалась рядом, издала какой-то прелестный гортанный звук, перевернулась на спину и прищурилась на солнце.

Их взору предстала картина: на перилах Бородинского моста возвышался над рекой и над баржей закадычный Васин

друг, Феникс. Полы твидового пиджака развевались на ветру, контур птичьей фигуры чертило утреннее солнце. Конечно, Вася его сразу узнал. Они подружились с Фениксом ещё в детстве, в первом классе обычной общеобразовательной школы обычного спального Московского района. В школе, где они начали учёбу, затеяли детский праздник. В этот день все пришли нарядные, девочки в бантах, а мальчики в белых крахмальных рубашках. Праздник должен был начаться сразу же после уроков, но, как назло, вышла заминка, рассеянная учительница потеряла ключ от классного кабинета и надолго отправилась искать его дубликат, строго наказав всем вести себя хорошо. В её отсутствие дети, конечно, сразу же азартно приступили к поиску реликвии. Вася, простая душа, на тот момент имел в кармане очень похожий на классный бледно-жёлтый ключ от родного дома. О чём он тут же и заявил во всеуслышание своим одноклассникам, но никто или почти никто ему почему-то не поверил, все разом решили, что он нашёл тот самый злополучный ключ и хочет присвоить его себе, тем самым лишив их всех праздника. Детская душа – потёмки. Они набросились на него как стая злобных шакалят, повалили на классный пол и рвали и терзали его белую нарядную крахмальную рубашку, пытаясь вырвать из рук тот самый ключ, ключ к их празднику, который всё никак не мог начаться.

Вася лежал на полу в классической позе эмбриона, прижимая заключённый в кулаке ключ к животу. Он не хотел

отдавать его никому, было страшно обидно, что ему не верят и что этот праздник уже не его. По шву затрещал рукав, оторвался и повис на нитках карман, а чертёныта всё терзали его душу и тело. И вдруг как гром среди ясного неба в классе где-то под потолком раздался звонкий насмешливый голос: «Дураки, ключ-то у меня, это я его украл! Какие же вы дураки!» Всё мгновенно прекратилось, куча-мала распалась, и маленькие распалённые азартом франкенштейны тотчас переключили своё внимание на худого высокого мальчишку, ещё больше возвышающегося над всеми потому, что стоял он на парте в углу класса. Началась самая настоящая чехарда, но всё-таки они поймали его и тоже повалили на пол. Сидящий на полу ещё не оправившийся от обиды Вася глядел, как сквозь большую шевелящуюся кучу его одноклассников смотрят на него спокойные насмешливые глаза этого мальчика. Его звали Феникс, и он тоже никому не собирался отдавать ключи от этого праздника. Из носа у Феникса уже текла кровь, это кто-то из девочек случайно заехал ему по лицу босоножкой.

Вася наконец пришёл в себя, вскочил на ноги и как разъярённый бык, если такое можно сказать применительно к белобрысому плачущему мальчику, бросился на помощь Фениксу. Всё прекратил властный противоречивый окрик вошедшей в класс учительницы: «Стоять! А ну-ка разошлись!» Дети, минуя команду «стоять», сразу разошлись и наперебой защебетали, указывая пальцами на двух растерзанных на по-

ду героев.

Учительница, как оказалось, вернулась, так и не найдя ни ключа, ни его дубликата, но она привела за собой трудовика, который клятвенно пообещал за время праздника расстараться и врезать новый замок. На всякий случай, наслушавшись сбивчивых рассказов детей, она попросила у Васи его ключ и демонстративно на глазах у всех проверила, вставив в замок, – ключ, конечно, не подошёл, хоть и действительно был очень похож на классный, все его хорошо изучили за долгие часы занятий. Учительница всегда клала его на стол, накрытый толстым стеклом, и часто, рассказывая какую-то тему, водила им по этому стеклу, что-то отстукивала и скрежетала. У Феникса же в кармане оказался ключ, совсем не похожий ни на что, и он, разумеется, тоже не подошёл.

Итак, трудовик остался врезать новый замок, а весь класс, за исключением Васи и Феникса, отправился на праздник в актовый зал. наших героев благополучно отпустили домой переодеваться, но в этот день они уже не вернулись в школу, а вместо того пошли к районному болотцу и смотрели на головастики. Что может быть лучше?

Именно так и именно тогда Вася подружился со своим закадычным другом Фениксом, который стоял сейчас на перилах Бородинского моста, а перед ним на расстоянии вытянутой руки висел зелёный воздушный шарик. Ловко балансируя на краю, как будто воображаемой рапирой Феникс сде-

лал красивый выпад. Бах! И шарик исчез, растворился в воздухе.

Дженни уже проснулась и смотрела во все глаза. «Это Феникс, мой друг-закадыка», – пояснил ей Вася. «Думаю, кончается какая-то история, о которой нам с тобой ничего не известно. Наверно, это финал. Неизвестно, чем закончится и наш поход и будут ли зрители. Пусть тогда увидят хотя бы его начало. Эй, Феникс! Дружище!» – окликнул фехтовальщика Вася. Феникс посмотрел вниз на медленно выходящую из-под моста баржу, на песочке расположились двое: Вася и... девушку рядом с ним наверняка звали Дженни, хоть и видел он её впервые. «Привет, Васёк! Не утопи ключ от праздника, он ещё нужен», – крикнул Феникс. «Дженни! – отсалютовал он Васиной спутнице. – Хорошую компанию ты выбрала». «Все, ну просто все в этих сутках знают, как меня зовут, – подумала Дженни, извлекая на свет свои неотразимые ямочки на щеках. – Привет!»

«Сумасшествие – это такая зараза!» – прокричал Феникс во весь голос, вытянул руку вверх в приветствии или в прощании, легко спрыгнул с перил и пружинистой походкой зашагал в сторону министерства иностранных дел.

2016г.

Новая планета

Планета вертится, и вместе с ней вертится кинотеатр «Планета», в комнатке киномеханика крутятся бабины с фильмом, вокруг кинотеатра наматывает круги человек с совершенно не желающей какать собакой, и бабочка-лимонница с одним коротким крылом тоже отклоняется от прямого курса, что, в конечном счёте, и её заставляет двигаться по кругу. Всё должно вертеться, но почему бы, например, всему не двигаться скачкообразно, или каким-то другим образом, или уж тем более под другим углом? То, что собака не выполняет свои прямые обязанности, лишь вопрос времени и стойкости характера. У нас есть и то и другое. Будем ждать.

Ну вот, напряжение спало, теперь можно посмотреть и на что-то ещё. Вглядимся в человека, держащего в руках поводок, и по насмешливому взгляду и крепко стоящей на ногах фигуре узнаем в нём Васю Итальянца, фотографа, ещё при жизни отказавшегося от славы в пользу красоты. Собака, конечно, не его, Вася не любит долго засиживаться на одном месте. Не будем выяснять, чья именно эта собака. «Эй, Барбос, эй, Тобик!» И ухом не ведёт, нет, точно её зовут как-то иначе. Просто Вася, добрая душа, помогает споткнувшемуся приятелю, упавшему точно на больничную койку. Откровенно говоря, теория о вертящемся мирозда-

нии не до конца проверена и даже, может быть, сильно при-
тянута за уши. Бабочка могла бы и постараться, а в киноте-
атре «Планета» уже двадцать шесть лет не крутятся фильмы.
Кинотеатр закрыт.

Большое квадратное здание – место средоточия иллюзий,
как и весь район со школами, детскими садами и больница-
ми, когда-то было построено на месте процветающей дерев-
ни. Остатки тех яблонь и вишнёвых садов до сих пор раз-
бросаны между многоэтажными домами. Деревенские, пере-
селённые в городские дома, ещё какое-то время сопротив-
лялись урбанизации, пытаясь сохранять привычный образ
жизни, разбивая огородики, собираясь вечерами во дворах
с водкой и голося на луну, но самые отчаянные скоро вы-
мерли, а другие превратились в обычных горожан, отводя-
щих небесным планетам лишь роль скромных осветитель-
ных приборов. Для первого поколения родившихся здесь
в новых условиях это уже был типовой спальный район, а ки-
нотеатр «Планета» – единственная Мекка, пристанище их
грёз. Вася принадлежал как раз к этому поколению первых.

Собака тянет идти, ну сколько можно метить эти углы.
Пять ступенек к кассам, а после них перед входом лужайка.
Зелёная лужайка проросла прямо на бетонной площадке пе-
ред дверью, по дороге к которой было стоптано столько бо-
тинок, ботиночек и лакированных туфель, лужайка с белы-
ми полевыми цветами, нехоженный фрагмент, дверь в кассы
заварена железом. Все двери и витрины кинотеатра заварены

железом. Первые, успевшие вырастить в микрорайоне уже и вторых, и третьих, спешат по своим делам мимо.

Приятель обещал отсутствовать только каких-то бесконечных четырнадцать дней, и Вася выбрал для прогулок с собакой, которую, кстати, звали Харрис, именно этот маршрут, самой отдалённой точкой которого являлся заброшенный кинотеатр, здесь они неспешно описывали круг и возвращались назад. Если бы не подвернулся Харрис, то Вася ещё сто лет бы не побывал здесь.

Первая ночь в пустынной квартире неудачливого приятеля застала его с открытыми глазами, если уж сразу не заснул – пиши пропало, теперь не сомкнуть глаз. Промаявшись до двух часов ночи и прилично поднадоев самому себе, он вышел прогуляться. Харрис вяло отметил это событие, но ничего не стал предпринимать, он был старой собакой: просыпаться, бодриться, напрашиваться на внеплановую прогулку или, к примеру, паниковать было не в его привычках.

Прогулка по местам критического скопления детства может вызвать у людей тяжелейшую депрессию, потому как человек любого континента именно что вертится, вертится изо дня в день, и нахлынувшие воспоминания о днях без забот могут dokonать кого угодно, но Вася – человек лучших качеств. Прогулка была великолепна, ночь прекрасна, ветер проходил в секунду достаточное количество метров, гнул, но не ломал ветки на аллее, безмятежное детство, к счастью,

было далеко, старость неизвестна, и сил по горло. И всё-таки ноги сами привели его к «Планете». Он поднялся по гранитным ступеням, ведущим к главному входу, ступени давным-давно разъехались по швам, между ними образовались тонкие грядки, и там тоже трава, трава, трава... Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Шесть ступенек. «Всё, и вот я здесь! Открывайте двери, билетёры!» – Вася улыбнулся своей лихо­сти. Ведь на бетонной конструкции для свежих афиш, могло бы быть выведено чистой краской «Детям до 16 вход стро­го воспрещён».

Рисованные афиши – это отдельная песня, их качество це­ликом и полностью лежало грузом на совести наёмных ху­дожников, и эта совесть могла многое снести. У каждого из них был свой особый стиль изгаляться над реальностью. Планетарного живописца все узнавали на раз, скопируй он хоть картину Ван Гога, это было бы самостоятельное про­изведение, плагиату не было места в его душе. Какую пи­щу он давал для пересудов! Какие художественные находки! А портрет Жана-Поля Бельмондо! Что вы! Все ждали.

Закованный в железо, дважды горевший, как Прометей, у которого всё пошло наперекосяк, кинотеатр не умер. Ва­се даже показалось, что если только отремонтировать зда­ние, всего лишь собрать старых людей и денёк покрутить в нём фильмы, то игла на пластинке запросто перескочит на­зад и проиграет всё заново. Недорогая машина времени для первых путешественников, но они вышли в свет и больше

не возвращались. Машина, конечно, пришла в негодность.

«Где у тебя тут генератор, или рычажок, или гайка раскрутилась? Так давай, мне не лень, я всё исправлю. Где ты заводишься? Раз уж я здесь, так поехали уже!» – крикнул Вася, задрал голову вверх и глядя, как проплывают мимо потухшей надписи «Планета» ночные облака. Не припомню, чтобы кинотеатр когда-нибудь говорил, и сейчас он тоже смолчал. Вася обошёл его по кругу и остановился у касс, но нет, ничего, блажь, тёмное здание не подавало знаков, не мигало лампочками. «Ладно, я пошёл», – и Вася с улыбкой махнул рукой, держа путь к безмятежному Харрису. Он прошёл несколько метров, но что-то всё-таки заставило его обернуться – нет, ничего не изменилось, но всё же изменилось. Сквозь высокую траву и сорняки из-под двери касс еле-еле брезжил свет, его было бы совсем не разглядеть, если не искать специально, но вот он, свет.

«Кажется, эта штука работает, – зашептал он себе под нос и как мотылёк к лампочке двинулся по направлению к двери, – только пока хреново работает, энергии ей маловато, нужно поднажать!» Он всегда нёс какую-то околесицу, когда волновался. Можно и не слушать. Но вот ступеньки наконец преодолены, и он сделал первый шаг по заросшему травой бетонному прямоугольнику. До двери оставалась ещё какая-то пара шагов, но второй шаг уже отозвался неожиданной болью, Вася тихо выругался и извлёк из правой подошвы доньшко от водочной бутылки с торчащим из него

вверх острым осколком. Чёртовы алкоголики, лучше б сдавали свои проклятые бутылки и получали дивиденды, жили бы припеваючи, поедая Краковскую колбасу. Ну да ладно, это совершенно не выбило его из колеи, порез не сильный, жалко только кеды. Ручки на железной двери не было, как, впрочем, и замка, эта дверь – оковы и не предназначалась для того, чтобы её кто-нибудь когда-нибудь открывал, но он всё же попробовал, пропустив пальцы в зазор между дверью и дверной коробкой, потянул на себя. Дверь, к удивлению, легко поддалась, заученно скрипнула и приоткрылась. Снятая с мест плитка, куски бетона и другой мусор, укрытый зелёной травой, не давали полностью её распахнуть, но Вася кое-как расшатал гулкое железо и осторожно вошёл внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.